

В. Э. Молодяков, В. А. Росов

**Выставка японского искусства в Музее Рериха и
ее политический фон: январь-февраль 1932 г.**

30 сентября 1931 г. президент Музея Рериха в Нью-Йорке Луис Хорш начал рассылать официальные приглашения на празднование десятилетия музея, запланированное на 17 ноября. В числе токийских адресатов были Императорская академия и Национальный исследовательский совет, Национальный комитет интеллектуального сотрудничества при японской Ассоциации Лиги наций, Токийский императорский университет и университет Кэйо. Ответом стала волна отказов – чаще почтительных, например, от президента Академии и Исследовательского совета химика Сакураи Дзёдзи (1858–1939)¹ или главы университета Кэйо Фукудзава Ититаро, но порой холодных и формальных, как от секретаря Академии, историка буддизма Анэсаки Масахару (1873–1949). Многие просили передать свои поздравления и выразить уважение «профессору Николаю Рериху за сближение всех народов в духе укрепления мира во всем мире через культуру», как, например, президент Токийского университета Онодзука Кихэйдзи (1871–1944) в письме от 29 октября 1931 г.² Но ехать никто не хотел.

Время для путешествий из Токио в Нью-Йорк, действительно, было не самое подходящее. В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г., всего за 11 дней до отправки Луисом Хоршем приглашений, у полотна линии принадлежавшей японцам Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) вблизи Лютяогоу, к северу от Мукдена, прогремел взрыв. «Даже по сравнению с инцидентом в Сараеве, который разжег пламя первой мировой войны, это было совершенно незначительное и случайное событие, – писали позднее «левые» японские историки. – ... Не было известно, кто и с какой целью произвел этот взрыв, но если бы даже это удалось установить, все равно этот случай не должен был привести к таким серьезным последствиям»³. Так начался «Маньчжурский инцидент». Была ли это провокация Квантунской армии, что наиболее вероятно, или просто случайность, что тоже возможно, но ответная реакция была молниеносной: утром 19 сен-

тября Мукден был занят японскими войсками, а к середине дня армия полностью контролировала территорию вокруг ЮМЖД. Все эти действия проводились, как теперь установлено, по заранее подготовленному плану, творцами которого были офицеры штаба Квантунской армии – будущие генералы Исивара Канзэи и Итагаки Сэйсиро, не имевшие санкции императора, кабинета или военного министра и поставившие перед свершившимся фактом даже собственного командующего.

Китай, – точнее, связанные друг с другом сложными отношениями, но сразу же объединившиеся против общего врага режимы Чан Кайши и маньчжурского «молодого маршала» Чжан Сюэляна – немедленно предъявил протест японскому правительству и 21 сентября обратился за помощью в Лигу наций, членом Совета которой он был только что избран. Конфликт сразу же оказался на повестке дня Совета Лиги и ее Ассамблеи. На стороне «единого фронта» китайских диктаторов выступил госсекретарь США Генри Стимсон, хотя Соединенные Штаты в Лигу не входили. 22 сентября Стимсон пригласил к себе японского посла Дэбути Кацудзи (1878–1947) и вручил ему меморандум с заявлением, что маньчжурская проблема касается не только Японии и Китая⁴. 24 сентября правительство по настоянию министра иностранных дел Сидэхара Кидзюро ответило, что не имеет к Китаю территориальных претензий и немедленно после урегулирования конфликта выведет войска в пределы прежней дислокации⁵.

Дэбути был назначен послом в США в 1928 г. До этого он был вице-министром иностранных дел и работал под началом Сидэхара. Обоих считали «западниками» и сторонниками «миролюбивой» дипломатии, которую противники именовали «соглашательской». Оба намеревались защищать политические и экономические интересы Японии в Китае, но мирными средствами – не из-за пацифизма, а чтобы не конфликтовать с другими «великими державами». Став в 1927 г. главой правительства, генерал Танака Гиити, сторонник «позитивной» дипломатии (оппоненты называли ее «агрессивной»), лично возглавил МИД, а годом позже отправил Дэбути в Вашингтон. В описываемое нами время Танака уже ушел в мир иной. Правительство возглавил либерал Вакацуки Рэйдзиро, пригласивший Сидэхара на пост главы внешнеполитического ведомства. Пребывание Дэбути в США приобрело особое значение.

Григорий Беседовский, советский поверенный в делах в Токио в 1926–1927 гг., свидетельствовал: «Господин Дебучи (так ранее транскрибировалась его фамилия. – В. М., В. Р.), несомненно, один из самых блестящих японских дипломатов. Прекрасно образованный, владеющий в совершенстве английским языком, хорошо знающий Европу, Америку и Китай, он представляет собой законченный тип японского дипломата, с широким умом и разносторонним опытом. ...Сила логи-

¹ Учитывая недостаточную исследованность темы и ее важность не только для японоведов, мы, по мере возможности, приводим даты жизни и краткие сведения о японцах, с которыми, так или иначе, контактировал Рерих.

² Неопубликованные письма в собрании «Nicholas Roerich Museum», New York (далее: NRM).

³ История войны на Тихом океане. М., 1957, пер. с яп., т. 1, с. 187.

⁴ Стимсон Г. Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения. М., 1938, с. 4, 30.

⁵ История войны на Тихом океане, т. 1, с. 357–359.

ческих выводов господина Дебучи была поистине изумительна, и я иногда был буквально восхищен ярким блеском его аргументации»⁶.

Как только более или менее достоверная информация о событиях в Маньчжурии попала в японские газеты, произошло то, чего можно было ожидать. Почти все слои общества, за исключением узкого круга придворных, финансистов и высших бюрократов, оценили действия Квантунской армии как «патриотические» и обрушились на правительство за его «нерешительность». Годом позже знаменитый публицист Нитобэ Инадзо говорил о своих единомышленниках: «Либералы не одобряли военных действий в Маньчжурии; однако когда появилась угроза извне, они встали на защиту чести своей страны, оставив мелкие споры с соотечественниками-милитаристами»⁷. Об этом сразу стало известно за границей. Дальнейшие действия Японии обострили ситуацию. 8 октября авиация Квантунской армии бомбардировала г. Цзинчжоу, после чего Стимсон через Дэбути потребовал от Сидэхара гарантий прекращения дальнейшей экспансии, дать которые министр был не в состоянии.

В таких условиях Луис Хорш завершал подготовку первой выставки современной японской живописи в Музее Рериха. Партнером в организации этой выставки выступило министерство просвещения Японии. Практическая работа началась еще до «Маньчжурского инцидента», а замысел – по свидетельству Елены Ивановны Рерих – возник несколькими годами ранее: «Помню, как в 26-м году, когда мы беседовали с Радной и Морисом (Зинаидой и Морисом Лихтманами, ближайшими сотрудниками Рерихов в Америке. – В. М., В. Р.) о значении такой большой выставки, мы уже тогда планировали начать ее не с Европы, но с Востока»⁸. Японское правительство не отказалось от нее даже после грозных заявлений Стимсона. 5 января 1932 г. Хорш телеграммой поблагодарил своего «визави» в министерстве просвещения Исимару Юдзо, выразив надежду, что «выставка внесет большой вклад в японско-американское культурное взаимопонимание». 8 января Исимару ответил словами «глубочайшей благодарности за то, что выставка японской живописи состоится в вашем городе»⁹.

Проходившая под патронажем посла Дэбути и его супруги, выставка открылась в субботу 9 января, что совпало с очередным обострением политической ситуации: 2 января был взят Цзинчжоу. Ответом стала «доктрина Стимсона», изложенная 7 января в ноте японскому и китайскому правительствам. США заявили о непризнании «любой ситуации, договора или соглашения», которые противоречат Антивоенному пакту

Бриана-Келлога 1928 г., т.е. являются результатом разрешения международных проблем военными средствами¹⁰. Иными словами, любые попытки Японии закрепиться в Маньчжурии, например, путем создания марионеточного режима, были обречены на непризнание со стороны Вашингтона. 11 марта такую же позицию заняла Лига наций.

В речи Дэбути на открытии выставки, произнесенной на превосходном английском языке, нет и следа политических бурь. Он говорил так, как будто ничто не омрачало двусторонних отношений. Отметив, что «профессор Рерих создал музей для достижения международного взаимопонимания через искусство, в котором проявляются культура, традиции и дух нации», посол напомнил, что «Япония заинтересована в развитии гармоничных отношений между странами». Дэбути удовлетворенно подчеркнул, что «отношения между Америкой и Японией на протяжении более чем семидесяти пяти лет были отношениями мира и дружбы». Выступление Дэбути имело протокольный характер, но было благосклонно принято американской прессой и опубликовано на следующий день в нескольких газетах, включая «New York Times»¹¹.

После церемонии Зинаида Фосдик (Лихтман) записала в дневнике: «Открытие японской выставки. Ambassador Японии Debuchi произнес большую речь, говоря, что Япония и Америка жили в мире 75 лет, что идеи Н. К. [Рериха] глубоко значительны для Японии – культурный обмен и взаимное понимание двух наций. Луис [Хорш] приветствовал его, затем говорил Mr. Taft, брат бывшего президента и друг Debuchi. Масса народу, японцы, видные американцы, огромный успех»¹².

Отклики на открытие выставки (все положительные) и ее реклама появлялись в дюжине американских газет на протяжении всего времени экспонирования. Вход на выставку был свободным. Самого Николая Константиновича в Нью-Йорке не было (его представлял Хорш), поэтому пресса почти не уделила внимания лично мастеру. Исключение составила газета местной японской диаспоры «The Japanese American». 30 декабря 1931 г. она оповестила читателей о выставке и предстоящем выступлении Дэбути на ее открытии, особо отметив тот факт, что экспозицию принимает музей, созданный человеком, который «во многих своих сочинениях отдал дань культуре Японии»¹³. За этими словами следовала пространная цитата из статьи Рериха «Слава самураев», написанной в феврале 1931 г. и присланной в качестве приветствия Япон-

⁶ Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 183.

⁷ Inazo Nitobe. Lectures on Japan. An Outline of the Development of the Japanese People and Their Culture. Tokyo, 1936, p. 269.

⁸ Письмо к американским сотрудникам (8 февраля 1932). – Рерих Елена Ивановна. Письма. 1919–1933, М., 1999, т.1., 290.

⁹ Непубликованные телеграммы в собрании NRM.

¹⁰ Стимсон Г. Дальневосточный кризис, с. 65–69 (текст ноты: с. 66).

¹¹ Debuchi Calls US a Partner of Japan. – The New York Times. 10.01.1932. После выступления Дэбути передал Хоршу машинописный текст речи, хранившийся первоначально в собрании NRM. В настоящее время документ находится в собрании Amherst Centre for Russian Culture, Massachusetts, USA (далее: ACRC). Используемая нами коллекция газетных вырезок, посвященных выставке, находится в двух собраниях: ACRC и NRM.

¹² Фосдик (Лихтман) З. Г. Дневник. – NRM. Тетрадь 43, 1931–1932. Запись от 9 января 1932 г.

¹³ Japan Joins America in Cultural Event. – The Japanese American. 30.12.1931.

скому Рериховскому обществу; в том же году она вошла в сборник «Держава света», выпущенный издательством «Alatas»:

«Говоря о Японии, мы можем употреблять слово “Прекрасное”. На это понятие имеет право народ, который до сих пор весною выходит празднично приветствовать пробуждение природы, народ, который обращает повседневность в сокровище искусства и выбирает одну картину для каждого дня; народ, который знает, как чувствовать произведение искусства. Где же, кроме Японии, так много частных художественных собраний? В какой другой стране так же почетно называться собирателем искусства? ...Множество фактов являют нам Японию с самой положительной стороны, но при этом мы должны помнить, что для нас ускользает такое же множество трогательных и героических подробностей. ...Японский народ, осознавая богатые традиции, понесет и дальше высокую культуру, которая уже помогла ему занять в мире такое выдающееся место»¹⁴.

Статья об открытии выставки в «The Japanese American» напоминала: «Музей Рериха основан профессором Николаем Рерихом с единственной целью – способствовать дружбе и взаимопониманию между народами через искусство, поскольку он понимает, что искусство, прежде всего, есть единственный международный язык. Достоин всяческих похвал то, что во время международных и дипломатических трудностей, музей послужит делу лучшего понимания Японии американцами, показав им современное японское искусство. Тот, кто испытывает подозрения в отношении намерений Японии, может посмотреть на эти картины и успокоиться». Вслед за этим газета процитировала слова Хорша, назвавшего присутствие Дэбути с супругой на церемонии открытия «знаком высочайшей государственной мудрости»¹⁵.

Выставка отличалась репрезентативностью, представив зрителям произведения современных мастеров пяти традиционных художественных школ страны: *ямато-э* – «японские картины» – декоративная живопись на ширмах и свитках, вдохновленная китайскими образцами; *укиё-э* – «картины плывущего (изменчивого, бренного) мира» – цветная гравюра на дереве, в сюжетах которой преобладали пейзажи и портреты; школы Тоса, развивавшей традиции *ямато-э*; школы Кано, художники которой находились под влиянием конфуцианства и работали в монохромной технике; школы Нанга («южная живопись»), во многом близкой к школе Кано. «Рядовой американец, представление которого о японской живописи крайне ограничено, – писала на следующий день после открытия газета “New York American”, – возможно, не сразу заметит эти различия. Скорее, он сможет оценить общий идеал всей современной школы декоративного реализма»¹⁶.

¹⁴ Рерих Николай. Держава света. Southbury, 1931, с. 192–193.

¹⁵ Art Exhibition at The Roerich Opens in Colorful Atmosphere. – The Japanese American. 10.01.1932.

¹⁶ Modern Japanese Paintings on View at Roerich Museum. – New York American. 10.01.1932.

Имена японских художников ничего не говорили американским читателям, поэтому их поместили не все газеты, которые в то же время не обошли вниманием нотаблей, почтивших присутствием открытие выставки или входивших в ее попечительский совет. В Музее Рериха были представлены работы таких мастеров, как пейзажист Мори Гэцудзэ (1886–1961), буддийский монах Кобаякава Сюсэй (1889–1974), Накамура Дайдзабуро (1898–1947), Томита Кэйсэн (1879–1936), Сазки Сюнко (1909–1942), чьи работы по сравнению с другими казались авангардными. Особое внимание привлекли портреты красавиц, выполненные Уэмура Сёэн (1875–1949) и Ито Синсуй (1898–1972). Следует добавить, что все газеты называли художников только по именам: возможно, потому, что так было принято в Японии... или просто приняв их за фамилии, которые в японском языке, в отличие от английского языка, пишутся первыми.

Японский генеральный консул в Нью-Йорке Хориноути Кэнсукэ (1886–1979), будущий вице-министр иностранных дел (1936–1938) и посол в США (1938–1940), внимательно следил за выставкой и за откликами на нее. 11 февраля, сразу после закрытия и в разгар японских военных операций в Шанхае, еще более обостривших отношения между Токио и Вашингтоном, он поблагодарил Хорша личным письмом, добавив, что сообщил в МИД об успехе мероприятия¹⁷. Таким образом, имя Рериха стало ассоциироваться в Токио с попыткой улучшить образ Японии в США и, тем самым, сгладить разгоравшийся между ними конфликт.

Сами Рерихи в полной мере оценили значение выставки. 8 февраля 1932 г. Елена Ивановна писала американским сотрудникам: «Очень и очень радует нас успех японской выставки. И прекрасны речи, как Логвана [Луиса Хорша], так и посланника японского, подчеркнувшего значение культурного обмена между странами. Вы знаете, насколько Н. К. [Рерих] высоко ценит искусство Японии, и именно хотел бы оттуда начать большую выставку. Конечно, можно очень осторожно и тактично подготавливать почву дружественными выявлениями и ознакомлением со значением художественно-культурной деятельности Н. К. [Рериха]. <...> Восток сейчас больше оценит и поймет все духовное и культурное, народы Запада слишком заняты разрешением своих проблем».

Особое внимание привлекают следующие за этим фразы: «А вдруг какой-нибудь японец и воскликнет так же, как Метерлинк, именно в его словах. Кстати, эти слова ведь очень знаменательны, и хорошо запомнить их и пользоваться при случае». Елена Ивановна имела в виду слова знаменитого бельгийского драматурга и мыслителя о «Вожде окрыляющем Рерихе». «Хорошо уметь вкладывать людям или, вернее, подводить их к подобным формулам, – заключила она. – Много хорошего и для них самих будет заключаться в этих формулах»¹⁸.

¹⁷ Неопубликованное письмо в собрании АСРС.

¹⁸ Елена Ивановна Рерих. Письма. 1919–1933, т.1, с. 290. Е. И. Рерих, упоминая «формулу Метерлинка», имеет в виду слова, принадлежащие известному бельгийскому драматургу и

В другом письме Елены Ивановны в Америку от 3/5 апреля 1932 г. находим не менее примечательное признание: «Теперь хочу сказать, как довольны были мы японской выставкой. Искусство Японии и ее героическая литература всегда были близки сердцу нашему. Надеемся, что удастся основать и развить там наше Общество Культуры. “Посев оправдает урожай”. Хотелось бы ближе ознакомиться с выдающимися личностями Японии»¹⁹.

Есть все основания предположить, что успех выставки современного японского искусства в Музее Рериха, прошедшей в столь сложное и напряженное время, сыграл немалую роль два года спустя, когда Николай Константинович собрался посетить Японию в процессе подготовки своей Маньчжурской экспедиции.

Рерих в Японии – люди и встречи: май 1934 г.

По многим причинам путешествие в Японию состоялось только через два с лишним года после закрытия выставки. 28 апреля 1934 г. Николай Рерих и его сын Юрий отправились в Иокогаму пароходом из Сизтла. В первом же письме на пути в Японию Николай Константинович недвусмысленно писал: «Итак, пришли к будущему»²⁰. Что предшествовало этому визиту?

В январе 1934 г. Луис Хорш направил телеграмму в Токио Исимару Юдзо, которого знал по организации выставки 1932 г., и поинтересовался, не пригласит ли министерство просвещения художника в Страну корня солнца. 20 февраля Исимару почтительно, но недвусмысленно ответил: «Нет необходимости говорить, что мы рады приветствовать приезд профессора Рериха в Японию, поскольку мы всегда испытываем признательность в отношении его заслуг и сочувствуем его усилиям в деле международной защиты всех культур. Однако сейчас все в Японии очень страдают от финансовой депрессии и духовных потрясений, поэтому мы боимся, что не сможем оказать профессору Рериху достойный его прием. Такое мнение было высказано в ходе консультаций с нашими ведущими учреждениями». Иными словами: принять рады, но денег нет. Однако Исимару тут же подсказал Хоршу другой вариант: «Я узнал, что профессор Рерих посетит нашу страну в мае. Я уверен, что мы

поэту Морису Метерлинку (1862–1949). Эти слова она дословно цитирует из его письма: «Россия была бы спасена, если бы проф. Рерих стал её Вождём» (*Елена Ивановна Рерих. Письма. Т. II. М., 2000, с. 145*). Сотрудники Н. К. Рериха в Соединенных Штатах, во Франции и на Дальнем Востоке взяли на вооружение эту «формулу» и особенно часто ее применяли (статьи в прессе и др.) в период Маньчжурской экспедиции (1934–35), когда художник посетил, в том числе, и Японию. Экспедиция проходила на фоне подготовки к подписанию международного документа о защите памятников и культурных ценностей во время войн и вооруженных конфликтов, названного «Пактом Рериха» (Вашингтон, 15 апреля 1935).

¹⁹ Там же, с. 303–304.

²⁰ *Рерих Н. К.* Письмо сотрудникам в Америку (1 мая 1934) – Государственный музей Востока (далее: ГМВ). МКР, ед. хр. 6, л. 2.

сделаем все возможное, чтобы принять его с распростертыми объятиями. Со своей стороны министерство иностранных дел посоветовало мне, как организовать прием, и мы сейчас совместно обдумываем этот вопрос. Поэтому я хотел бы как можно скорее знать, когда он покидает Америку и как долго намерен пробыть в Японии»²¹. Другими словами, нефинансовая помощь гостям гарантировалась.

Не удивительно, что в числе собеседников Николая Константиновича в США, откуда он собирался отправиться в Японию, оказались не только его главный американский покровитель – министр сельского хозяйства Генри Уоллес, но и японский генеральный консул в Нью-Йорке Савада Рэндзо (1888–1970), дипломат из числа «умеренных», карьера которого уверенно шла по восходящей: впереди были важные для японской дипломатической иерархии посты советника посольства в Маньчжоу-го (1936–1938), вице-министра иностранных дел (1938–1939, 1944–1945), посла во Франции (1939–1940) и первого посла в независимой Бирме (1943–1944). Его жена Савада Мики (1901–1980), которой сотрудники Рериха в Нью-Йорке оказывали исключительное внимание, была знатком японского искусства, а также приходилась дочерью третьему президенту концерна «Мицубиси» Ивасаки Хисая.

Как только Уоллес 17 марта официально подтвердил Рериху приглашение быть «руководителем и покровителем» Маньчжурской экспедиции при поддержке США, художник сразу же договорился о встрече с японским генконсулом, который 19 марта устроил ланч в его честь. Вскоре Савада нанес ответный визит в Музей Рериха, и его имя замелькало в ежедневных записях Николая Константиновича²². 9 апреля супруги Савада снова появились в Музее, где их принимала и угощала чаем вице-президент Зинаида Лихтман. «Говорила с ними о Н[иколае] К[онстантиновиче] — мировом лидере, что о нем говорил Метерлинк, о значении Японии и России в будущем»²³. Началась «обработка» японцев для того, чтобы возвысить в их глазах личность Рериха. Сам художник уже из экспедиции направлял сотрудников на то, чтобы они продолжали «Метерлинковские мелодии с Савад[ой]»²⁴. Всю осень 1934 г. он твердил в письмах о «Метерлинковской формуле», «Метерлинковском разговоре», о необходимости «проталкивать Метерлинка»²⁵ и добиться от Савада «понимания Метерлинка». Николай Константинович и его окружение готовили общественное мнение к появлению в Азии нового вождя. Японию, которая могла воспрепятствовать прове-

²¹ Неопубликованное письмо в собрании NRM.

²² Professor Roerich's Schedule. –NRM.

²³ *Фосдик З. Г.* Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922–1934). М., 1998, с. 648.

²⁴ *Рерих Н. К.* Письма сотрудникам в Америку (24 сентября и 2 октября 1934). – ГМВ. МКР, ед. хр. 38, л. 2; ед. хр. 17, л. 2.

²⁵ *Рерих Н. К.* Письма сотрудникам в Америку (22 и 24 октября 1934). – ГМВ. МКР, ед. хр. 4, л. 4, 6.

дению в жизнь этого плана, нужно было привлечь на свою сторону или хотя бы нейтрализовать.

Пребывание в США в марте-апреле 1934 г. Рерих использовал для контактов с японскими дипломатами. От Савада он получил приглашение на торжественный прием в «Клубе банкиров» по случаю праздника, учрежденного Международным торговым комитетом. Художник ответил согласием: «Дорогой доктор Савада, по возвращении в Нью-Йорк из Вашингтона этим утром я получил Ваше благожелательное приглашение на обед 11 апреля в ознаменование празднования годовщины “Перри Дэй”²⁶. С большим удовольствием я стану Вашим гостем, и снова, надеюсь, продолжатся наши встречи, дружественные и сердечные»²⁷. Прием в «Клубе банкиров» оказался значимым событием. На нем Рерих встретился с японским послом в Америке Сайто Хироси (1886–1940), с которым обсудил возможность проведения своей выставки в Японии. Он получил от посла рекомендательные письма в официальные учреждения Токио и в японскую таможню с просьбой оказать помощь в беспрепятственном следовании багажа экспедиции.

Личность Сайто заслуживает особого внимания. Он был не только способным дипломатом, но и одним из лучших, выражаясь современным языком, «пиарщиков» Японии, возглавляя в 1927–1930 гг. департамент информации МИД. В 1932–1935 гг., будучи генеральным консулом в Нью-Йорке, а затем послом, он фактически в одиночку провел пиар-кампанию, не упуская ни одной возможности выступить на публике или в СМИ, причем не обязательно по злободневным или болезненным вопросам. В 1935 г. его речи, статьи и эссе на английском языке были собраны в превосходно изданный том «Политика и цели Японии»²⁸. Сайто отлично подходил для этой роли – он был умен, широко образован, импозантен, прекрасно говорил по-английски, хорошо знал и, несомненно, любил Америку, где провел много лет и где родилась его старшая дочь: ей и ее младшей сестре, «которым суждено стать связующими звеньями японско-американской дружбы», он посвятил книгу.

Основное общение велось с находившимся в Нью-Йорке Савада, который, как говорил впоследствии Рерих, давал «единственную возможность» постепенно и твердо осуществлять намеченный план. Сотрудники музея наперегонки взялись обхаживать японскую чету. В начале мая 1934 г. между ними даже произошла стычка из-за Савада Мики. Фрэнсис Грант, еще одна ближайшая американская сотрудница Рерихов, хотела устроить вечер японских музыкантов с ее участием, но Нетти Хорш, жена директора, потребовала от подруги, чтобы та не тро-

гала «ее людей», заявив: «Они мои!»²⁹. Николай Константинович сам распорядился, кто в его окружении отвечает за тот или иной сектор работы: Грант поддерживала связь с Вашингтоном, а супруги Хорш контактировали с японцами.

Вечер все-таки устроили, но другой, нежели предполагалось. 28 мая Рериховский музей праздновал день рождения Владыки Будды. Нетти Хорш организовала собрание и музыкальную программу с участием Общества Махабодхи. Само собой разумеется, присутствовали многочисленные японская диаспора и сотрудники консульства. С яркой речью о дзэн-буддизме выступил не кто иной, как Судзуки Дайсэцу (1870–1966), – пожалуй, самый знаменитый пропагандист и интерпретатор этой религии в Америке.

Савада Мики была искусствоведом и хорошо разбиралась в живописи, поэтому Хорши развивали связи с генконсульством по художественной линии. Это быстро принесло плоды. 23 ноября 1934 г. при Музее Рериха открылся Ниппонский культурный центр и состоялось «собрание в честь укрепления дружбы Н[иколая] К[онстантиновича] с Японией»³⁰, почетным гостем на котором была Савада. В марте 1935 г. в Нью-Йорке успешно прошла вторая выставка японского искусства. Академия художеств Японии представила полотна современных художников, а организаторскую работу взяла на себя поклонница таланта Рериха и знакомая Хорша Асако Мацуока (нам пока не удалось обнаружить сведений о ней). В Токио она собирала картины и средства, заботясь об успехе культурной миссии. Японский центр в Америке благосклонно принял идеи Пакта Рериха (Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников) и Знамени Мира, поскольку большая работа в этом направлении была проведена с Савада по совету его инициатора.

17 ноября 1933 г., в день открытия Третьей международной конференции по подготовке Пакта Рериха в Вашингтоне, Знамя Мира было поднято над Токийским государственным музеем. Такая акция, предпринятая в знак охранения сокровищ науки и искусства в Японии, воспринималась как символ. Предполагалось, что японская нация, издревле склонная к высоким символам, станет плодотворным полем для деятельности Рерихов. Таким образом, ко времени приезда японцы уже знали Николая Константиновича как «вождя культуры». В начале 1930-х годов на японском языке была издана его книга «Адамант», а осенью 1934 г. готовился к выпуску перевод «Сердца Азии». Большую славу художник стяжал благодаря своему Пакту. Брошюра, посвященная этому культурному проекту, также вышла на японском языке.

²⁶ Годовщина «открытия Японии» американской экспедицией М. Г. Перри в 1853 г.

²⁷ Обмен письмами между Савада и Рерихом (29 и 30 марта 1934). – NRM.

²⁸ *Saito Hiroshi. Japan's Policies and Purposes. Selections from Recent Addresses and Writings.* Boston, 1935.

²⁹ *Фосдик (Лихтман) З. Г.* Дневник. – NRM. Тетрадь 46. 14 марта – 6 июля 1934; запись от 3 мая.

³⁰ Письмо Г. И. Чертова Н. К. Рериху (22 января 1935). – NRM.

Сразу по приезде Рерихов в Токио в мае 1934 г. там развернулся настоящий культурный фронт. «Япония действительно встретила очень радушно»³¹, – писал Юрий Рерих 23 мая Зинаиде Лихтман. Они даже получили даровые билеты на проезд по железным дорогам и позже ехали бесплатно до самого Харбина. Каждый день был насыщен значительными событиями: 15 мая – завтрак в Американско-японском обществе, на следующий день – чай в Международном обществе поощрения культуры, 17 мая – встреча в Императорской Академии художеств. 18 мая Рерих прочитал лекцию в Буддийском колледже.

В Японо-американском обществе гостей принимал его председатель, принц Токугава Иэсато (1863–1940), глава палаты пэров и потомок сёгунов. С речами, кроме Рериха, выступили Хориноути, возглавлявший в то время Исследовательский отдел МИДа, и видный деятель японского «Ротари клуба», либерал-адвокат Мияока Цунэдзиро (1865–?). Николай Константинович воздержался от политических сюжетов, превознося достижения Японии в области искусства и самобытность ее культуры, но не забыл упомянуть, что многократно писал об этом, и напомнил слушателям основные вехи сотрудничества своего Музея с Японией, включая выставку 1932 г. и речь Дэбути. Хориноути отметил, что в последнее время «американский народ с большей симпатией и пониманием относится к событиям на Дальнем Востоке» и что «интерес американцев к изучению японской культуры растет». Он оценивал деятельность Рериха не в глобальном масштабе, но именно в перспективе двусторонних отношений, что заслуживает особого внимания. Среди почетных гостей были американский посол Джозеф Грю со свитой, а также бывший посол Дэбути. Рериха воспринимали как посланца Америки и выразителя ее доброй воли по отношению к Японии. О России – советской или несоветской – не вспоминали. По крайней мере, публично³².

Как «американец» Рерих фигурирует и в «шапке» статьи «Слава Японии», написанной им для англоязычной версии крупнейшей газеты страны «Осака майнити» и опубликованной 22 мая. К похвалам, относящимся к традиционной японской культуре, прибавились похвалы самурайскому духу, который «живет в истории человечества как символ героизма, подлинного патриотизма и благородства»³³. Пересказывая в радужных тонах историю своих предыдущих контактов со Страной корня солнца и ее представителями, Николай Константинович обратился,

³¹ ГМВ. МКР, ед. хр. 12, л. 5.

³² Art as Humanity's Common Bond Stressed by Roerich. – «Japan Times & Mail». 16.05.1934; U.S. View Termed More Sympathetic. – «The Japan Advertiser». 16.05.1934; Академик Рерих едет в Харбин. Торжественный прием знаменитого художника в Ниппоне. – «Заря» (Харбин). 25.05.1934.

³³ Nail to Japan. Appreciation of Japanese Spirit in Art Shown by American. – «The Osaka Mainichi & Tokyo Nichi Nichi». 22.05.1934. В основу текста положена опубликованная ранее статья «Слава самураев» с некоторыми дополнениями.

прежде всего, к японской аудитории, точнее, к власти имущим, рассчитывая на их поддержку или, по крайней мере, благожелательный нейтралитет в отношении своих грандиозных планов. Какую аудиторию вне Японии он имел в виду, сказать трудно, но не мог не учитывать возможный резонанс похвал самурайскому духу в англоязычной печати в то время, когда значительный сегмент «мирового общественного мнения», направлявшегося не только из Москвы, но и из Нью-Йорка, изо всех сил клеймил «японскую агрессию» и «милитаризм».

Рериху важно было соединить две области – воинственный дух и культуру, поскольку военная мощь, подкрепленная привлекательной идеей, становится несокрушимой силой. Поэтому статью в «Осака майнити» можно рассматривать как прелюдию встречи Николая и Юрия Рерихов с военным министром генералом Хаяси Сэндзюро (1876–1943), который принял их 23 мая в 9 часов утра. Полагаем, что министру, как минимум, доложили о статье. Сразу после беседы Николай Константинович дал интервью токийской газете «The Japan Advertiser»: «Японии повезло, что она имеет в числе своих вождей такого великого человека, как генерал Сэндзюро Хаяси... Это выдающаяся личность, и я высоко ценю любезно предоставленную мне возможность встретиться и побеседовать с ним. Генерал Хаяси – человек с благородным характером, его проницательность и понимание культурной работы и связанных с ней идеалов показывают, что он вождь великих способностей»³⁴. Сообщения о встрече генерала с художником, иллюстрированные фотографиями, появились и в японских газетах.

Публично вождь говорил о вожде, поскольку в той же статье приводились слова американского адвоката и политика Джорджа Бэттла (1868–?) о Рерихе как «бесспорно, одном из величайших вождей в истории». Однако похвалы в адрес Хаяси, не слишком знаменитого и выдающегося генерала, занявшего пост министра лишь в январе того же года, звучали слишком высокопарно. Они бы больше подошли его предшественнику Араки Садао – не только популярному лидеру радикального крыла военных кругов, но видному националистическому идеологу и пламенному трибуну, который, вопреки законам военной профессии, претендовал на собственное место в Большой Политике. Именно политические амбиции Араки снискали ему в 1932–1933 гг. всемирную известность, вплоть до появления его фото на обложке журнала «Time», но именно они же привели к его отставке. Хаяси не в меньшей степени был националистом и экспансионистом. Он стремился подчинить политику интересам армии и вооруженной экспансии, но не претендовал на «вождизм». В начале 1937 г., во время очередного политического кризиса, Хаяси стал премьер-министром Японии, но его кабинет, лишенный поддержки

³⁴ Roerich Commends Hayashi as Leader after Meeting Him. – «The Japan Advertiser». 24.05.1934.

парламента и политических кругов, оказался одним из самых недолговечных и неудачных в истории страны.

В тот момент Япония была особенно нужна Рериху. Накануне отъезда из Нью-Йорка он пришел в Музей огорченным, так объяснив свое необычное настроение Зинаиде Лихтман: «Америка начала проявлять дружелюбие к Китаю и вражду к Яп[онии]»³⁵. Такой поворот событий рушил и замыслы, и, видимо, уже устоявшуюся в уме стройную схему, в которой Япония занимала ведущую роль. Всякое суждение о ней вызывало у сотрудников Музея ревность даже между собой. В день отправления поезда на Сизтл, откуда лежал путь в Японию, писатель Георгий Гребенщиков, один из ближайших сотрудников Рериха, написал в газету заметку об отъезде художника. И хотя заметка оказалась маленькой, такой поступок все равно вызвал неодобрение сестер и братьев. О поездке «никому не нужно» было знать, прежде чем пресса опубликует репортажи с места события³⁶.

В отличие от предыдущих публикаций, статья «The Japan Advertiser» кратко, но информативно пересказывала русскую биографию Рериха, впрочем, без малейших намеков на политику. Однако Николай Константинович оказался между двух огней. С приходом к власти в США антияпонски настроенного Ф. Д. Рузвельта конфронтация между Вашингтоном и Токио усилилась, особенно после решения президента официально признать Советский Союз и установить с ним дипломатические отношения, что и было сделано поздней осенью 1933 г. Это, в свою очередь, усилило синдром «осажденной крепости» у японских военных, политиков и «разогретого» националистами общественного мнения. В Стране корня солнца более всего страшились коалиции СССР и США, грядущий конфликт с которыми стал казаться неизбежным. Это и была та самая «проблема 1934 г.», которой двумя годами ранее пугал общественность военный министр Араки. Его преемник Хаяси предпочитал не оперировать подобными расплывчатыми и в то же время угрожающими формулировками.

После приема у Хаяси Рерихи в тот же день отправились в Киото, где художник намеревался провести переговоры с директором нового Музея изящных искусств, основанного в 1933 г., об открытии специального отдела для своих произведений. Он сообщал в Америку: «Родные, 24-го утром мы выезжаем в Киото, Нару и сразу переплываем на Корею и т. д. Если бы нашлись певцы и любители Метерлинка. Ведь у меня нет голоса петь самому»³⁷. Снова разговор о Метерлинке, т. е. о «Вожде окрыляющем». В Киото легко удалось договориться об экспозиции. В сентябре из Нью-Йорка туда были доставлены 17 картин самого широкого

диапазона – от русских сюжетов «Снегурочки» и «Садко» до Гималайской серии, представленной полотнами «Сикким» и «Кулу». Среди них выделялись тибетские пейзажи, включая три работы с одинаковым названием «Тибет». Гималаи, Монголия и Тибет присутствовали как некий основной фон, на котором была прочерчена русская линия. В октябре Омори Китигоро (1883–1947), занимавший пост мэра Киото в 1932–1935 гг., в письме к Совету директоров Рериховского музея выразил надежду, что «эти семнадцать великих художественных творений явятся неиссякаемым источником вдохновения для художников Японии, а также цементом взаимопознания в Азии и крепким звеном цепи более близкого духовного сближения между Соединенными Штатами и Японией»³⁸.

Картины Рериха экспонировались в Киото около двух месяцев – с 10 января по 28 февраля 1935 г. – вместе с произведениями японских художников. Незадолго до открытия выставки, в декабре 1934 г. Николай Константинович посетил начальника японской военной миссии в Харбине полковника Андо и сделал щедрый дар в пользу жертв тайфуна, обрушившегося на район Кансай в сентябре того же года. Он предоставил городу Киото право выбрать любую из 17-ти картин и продать ее, а вырученную сумму внести в фонд средств на ликвидацию ущерба от стихийного бедствия³⁹. По неизвестным причинам город не принял дар, но благородный поступок оставил след в сердцах японцев. Картины надолго задержались в Японии и были отправлены в США только после второй мировой войны, в 1951 г., когда Хорш потребовал вернуть коллекцию обратно. Известный японский этнограф Като Кюдзо позднее писал: «Мне лично жаль, что эти картины вернулись в Нью-Йорк. Полагаю, что в Японии можно было бы в качестве акта доброй воли оставить хотя бы одну из них, преподнесенную Н. Рерихом в дар городу Киото»⁴⁰.

30 мая 1934 г. Рерих прибыл в Харбин. Началась новая страница его биографии.

³⁵ Фосдик (Лихтман) З. Г. Дневник. – NRM. Тетрадь 46; запись от 19 апреля 1934 г.

³⁶ Там же. Запись от 22 апреля.

³⁷ Рерих Н. К. Письмо сотрудникам в Америку (23 мая 1934). – ГМВ. МКР, ед. хр. 12, л. 1.

³⁸ Музей в Киото чтит искусство академика Н. К. Рериха. – Русские Поля (Сизтл). 4–17.11.1934 (письмо Омори цит. по этой статье); Ценное приобретение музея в Киото. 17 полотен академика Рериха. – Заря (Харбин). 1934, без даты (газетная вырезка, NRM).

³⁹ Дар академика Н. К. Рерих (так – В. М., В. Р.) в пользу жертв тайфуна – Заря (Харбин). 1934, без даты (газетная вырезка, NRM).

⁴⁰ Като Кюдзо. Николай Рерих и Япония. – Проблемы Дальнего Востока. 1987, № 2, с. 144.